гочисленных значениях. Следовательно, подобно ассонансам, они имеют основания эстетические. Надлежит, однако, отметить, что у некоторых поэтов семинарской школы произношение, возможно, сказалось на употреблении рифм этого типа (и данное обстоятельство заставило выделить приблизительные рифмы в особую, промежуточную между точными и неточными, группу), но уже у Баркова приблизительные рифмы имеют специфическую структурную функцию и в этой функции употребляются большинством поэтов школы функционально значимой рифмовки.

Разрыв со старыми жанрово-стилистическими художественными нормами особенно заметен на примере державинских заударных диссонансов. Школа функционально значимой рифмовки употребляла их только в низком стиле и соответствующих жанрах. В Державина находим эти рифмы и в стихах, проблематика которых считалась свойственной высоким жанрам, и в сатире, и в анакреонтике — рядом с «небрежными» рифмами других типов.

Так, например, заударный диссонанс с чередованием а—о кроме отмеченных выше случаев встречается в следующих сочетаниях и произведениях: к боярам—даром («На счастие»), средь... бора—скоро («Водопад»), к...коронам—со звоном («На взятие Варшавы»), Петрово—лаврова (оригинальная рифма при каноническом созвучии — «На кончину великой княжны Ольги Павловны»), немножко—мошка («Гостю»), высоко—ока («Послание мурзы Багрима...»), отвечала—жало («Венерин суд»), чудо—из-под спуда («На победы в Италии», редакция 1799 г.), сучочком—девочкам («Шуточное желание»), Фавона—на лоно («Весна»), небо—Феба («Поход Озирида»), небосклона—на лоно («Обитель Добрады»), сила—уныло («На смерть князя Смоленского»).

Чередование ье—ья: согласья—счастье («Пикники»), творенье—перья, явленье—перья («Павлин»), согласье—счастья («Молитва»), храненье—правленья («На Мальтийский орден»), счастья—самовластье («Мужество»), рожденья—утешенье («Оленину»), изобилье—крылья («Лето»), восхищенья—в отмщенье («Мщение»), наслажденья—награжденье («Плач царицы»), изъятья—участье («Идолопоклонство»), из самолюбья—орудье («Проблеск»), забвенья—в удивленье (трижды,

⁶³ В. М. Жирмунский (О русской рифме XVIII в., стр. 421—424) настаивает на том, что на рифмы с чередованием в заударном положении гласных а—о, е—и, ье—ья—ьи в XVIII в. существовал «запрет», имевший «универсальный характер», бывший «всеобщей нормой», однако отмечает у Державина ряд рифм этого типа.